

Доктор Марк Дженнингс, Марк, Лекция 22, Марк 14:26-72, Тайная Вечеря, Арест, Суд, И отречение Петра

© 2024 Марк Дженнингс и Тед Хильдебрандт

Это доктор Марк Дженнингс в своем учении по Евангелию от Марка. Это сессия 22, Марк 14:26-72, Тайная вечеря, арест, суд и отречение Петра.

Добро пожаловать обратно, поскольку мы продолжаем работать над главой 14 Марка.

Когда мы обсуждали Марка 14 в предыдущем обсуждении, мы подготовили почву, и мы обсуждали Тайную Вечерю и ее связь с пасхальной трапезой и великим деянием, которое должно было произойти со смертью Иисуса, и помещали это в контекст Бога как того, кто спасает свой народ от плена, повествование об Иходе указывает на то, что делает Иисус. В этом мы также обсуждали заявление предателя и то, как Иисус открыл, что один из них предаст. И это интересно, потому что, когда они обсуждали с Иисусом, будучи опечаленными тем, что Иисус сказал, что один из них предаст, они все говорили, это не я, не так ли? Это не я, это не я, и вы тоже задаетесь вопросом, не было ли немного надежды.

Ну, может быть, это только один из нас, да? Знаете, это не я, и поэтому должен быть кто-то другой. И тогда это готовит почву для того, что мы сейчас рассмотрим. И хотя только один из них предатель, все они отказались от Иисуса.

Итак, давайте обратимся к стиху 26 из 14 главы Евангелия от Марка. И, воспевая гимн, который подобает петь после Пасхи, они вышли на гору Елеонскую. И сказал им Иисус: все вы соблазняетесь.

Ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы; по воскресении же Моим предварю вас в Галилее. Но Петр сказал ему: если и все соблазнятся, Я не соблазнюсь.

Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, ты трижды отречешься от Меня. Но Он сказал решительно: хотя бы Мне и надлежало умереть с Тобюю, не отрекусь от Тебя. И все сказали одно и то же.

Предсказание Иисуса о том, что они все отпадут, тесно связано с Захарией 13.7. Обратите внимание, что в Захарии есть апокалиптическая реальность, божественная причина страдания. И, конечно, смерть пастуха не является

концом истории, что было бы, конечно, таким утешением для Петра, но есть оправдание и восстановление в виду. Однако утверждение здесь, есть надежда, даже если они ее не слышат.

И есть явление воскресения, даже если оно не кажется таким очевидным. После заявления, что все они падут, Иисус говорит, когда Я воскресну, Я предварю вас в Галилее. И затем этот намек, есть этот намек на надежду для Петра в этот момент.

Иисус сказал, что он пойдет перед Галилеей. Знаете, когда мы рассматриваем различия между Иудой и Петром, одна из вещей, которую Евангелия ясно дают понять, что различий не так много, как мы иногда предполагаем, но есть несколько важных. Конечно, Матфей расскажет о том, как он молится за Петра.

Мы не получаем такой молитвы за Иуду. И здесь Иисус говорит Петру, что он снова увидит их в Галилее. Конечно, протест Петра и упрек Иисуса здесь напоминают то, что произошло в Марка 8, стихи 31-32, где Петр отрицает то, что Иисус говорил о его грядущей тенденции к отвержению после того, как Петр провозгласил Иисуса Мессией.

Я имею в виду, ирония, конечно, в том, что мы говорим об одной фигуре, которая была восхвалена в Евангелии от Марка за утверждение и заявление, что Иисус есть Мессия, будет тем, кто отрицает. Но этот обмен, этот протест, где Петр снова испытывает затруднения с тем, что Иисус должен сказать, когда Иисус говорит, что они все отпадут, а Петр говорит, что даже если они все отпадут, я не отпаду, и даже продолжает решительно заявлять, что он не отречется от вас. Конечно, он будет решительным в заявлении с другой стороны всего в нескольких коротких стихах.

Конечно, это говорит не только Петр; они все говорят одно и то же. Сильные ученики, которые никогда не отреклись бы от Иисуса, теперь имеют шанс продемонстрировать свою верность Иисусу в Гефсиманском саду. И, конечно, их падение будет быстрым и немедленным.

Давайте рассмотрим, как Сад в стихах 32-42 Евангелия от Марка, глава 14. И сказал: Авва Отче! все возможно Тебе. Да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты.

И придя, нашел их спящими и сказал Петру: Симон, ты спишь? Не мог ли ты бодрствовать один час? Бодрствуй и молись, чтобы не впасть в искушение. Дух бодр, плоть же немощна. И опять отошел и молился, сказав то же слово.

И снова пришел и нашел их спящими, ибо глаза у них отяжелели, и они не знали, что Ему отвечать. И пришел в третий раз и сказал ему: ты все еще спишь и почиваешь? Довольно. Настал час.

Сын Человеческий предан был в руки грешников. Встаньте, пойдем. Вот, приблизился предатель Мой.

Структура этого отрывка, я думаю, подчеркивает одиночество или изоляцию Иисуса, а также неудачу учеников. Посмотрите, как это движется. Он приходит со всеми учениками, кроме Иуды, хотя уход Иуды здесь не выражен ясно.

Марк не знает точно, когда Иуда на самом деле ушел. Более широкое евангельское повествование объясняет это. Но Иуда явно ушел в этот момент, потому что он прибыл с охранником, который должен был отдохнуть.

Итак, Иисус приходит с учениками, уже не хватает одного. И затем он снова уходит с тремя, с тремя, к которым мы уже привыкли, с тремя, которых Иисус часто брал с собой. И затем он идет еще дальше один.

Итак, вы видите эту прогрессию разделения даже в саду. Мы видим здесь, вы знаете, Марк, его любовь к тройкам, вы знаете, его стресс. Три раза Иисус возвращается, чтобы найти учеников спящими.

Трижды он упрекает их. Это повторение, это использование одного и того же языка снова и снова выдвигает на первый план то, что происходит. Гефсимания, если вам интересно, это еврейское или арамейское слово, возможно, означающее оливковый пресс, что имело бы смысл, учитывая, что мы находимся на Масличной горе.

Мы, вероятно, говорим о месте, которое больше похоже на оливковую рощу, возможно, даже с мельницей для прессования оливок, как у нас здесь. Лука говорит нам, что это место, куда Иисус ходил регулярно. И это также, очевидно, место, которое Иуда знал, чтобы найти Иисуса.

Теперь это его отступление в Гефсиманию, если это было частью того, что обычно делал Иисус, и пойти и отдохнуть, конечно, дает Иуде ту самую возможность, которую он ищет, а именно, Иисуса, уединенного от толпы и способного быть арестованным. Знаете, интересно, когда мы думаем о связи между этим отрывком и некоторыми другими элементами Евангелия. Знаете, в Марка 10:38-39 Иаков и Иоанн говорят, что они могут пить чашу, которую должен пить Иисус.

В Марка 14:31 Петр, конечно, говорит, что он не подведет их. Но здесь у вас есть, вы знаете, этот ход, этот повторяющийся рефрен Иисуса, как бы

страдающего через это, Иисуса, делающего это в одиночку, его скорбь. У вас есть эта картина праведного страдальца, эта моя душа, вы знаете, которая является семитским или поэтическим способом обозначения себя, вы знаете, находится на грани смерти, что он в такой печали, что кажется, будто он умирает.

Я думаю, это поэтическое высказывание. Я не думаю, что это должно быть так, что он настолько печален, что он на самом деле собирается буквально умереть, но это поэтическое чувство, почти как в Псалмах. И Иисус молится здесь, правильно, чтобы, если возможно, миновал его час.

И термин час, вы знаете, это не буквальный термин, но это способ сказать вам время или период, или даже, может быть, эсхатологический смысл. И заметьте, мы получаем прямой дискурс. Это Авва, Отче.

Это один из редких случаев, когда Иисус молится, где мы получаем молитву у Марка. Это не ссылка на молитву, а молитва у Марка. Мы получим еще одну в крике с креста.

Иисус, конечно, упоминается на протяжении всего Евангелия о молитве и учении о молитве, но это на самом деле первая настоящая молитва, которую мы имеем у Марка. Его выбор здесь подождать до этого, я думаю, является захватывающим. Использование здесь Авва уникально для Иисуса, что означает, что это то, что Иисус как бы вводит уникально.

Это беспрецедентный уровень близости. Мы знаем из Ветхого Завета, конечно, что Бог иногда одевается как Отец или Наш Отец, особенно для народа Израиля. Мы видим это даже в Мертвых и в эллинистических писаниях.

Но это Абба здесь, в терминах этого личного заявления и корпоративного, чрезвычайно интимно. Нам нужно быть осторожными и не просто предполагать, что Абба каким-то образом означает Папа, как иногда дается в контексте, потому что есть слово, используемое взрослыми детьми по отношению к своему Отцу, поскольку мы обычно ассоциируем Папу с чем-то, что говорят дети младшего возраста. Абба было бы чем-то, что говорят взрослые дети.

Но мы действительно не имеем больше нигде в дохристианском, до первого века палестинском иудаизме такого личного обращения Бога к отдельному человеку. У нас есть чаша. Я думаю, что чаша здесь важна для понимания того, почему Иисус почти при смерти.

Чаша — это распространенный образ страдания в Ветхом Завете. Чаша — это распространенный образ божественного суда в Ветхом Завете. Если мы

прочитаем Ветхий Завет, то увидим, что страдание и божественный суд связаны с чашей в Псалме 11, Псалме 60, Псалме 75, идее страдания, Исаии 51, Иеремии 25, Иеремии 49, Иеремии 51, Плаче Иеремии 4, Иезекииле 23, Аввакуме 2, Захарии 12.

И я думаю, что ключ здесь в том, что Иисус молится, чтобы эта чаша миновала меня, и это образ того, что должно произойти, что есть излияние Божьего суда, Божьего гнева. Это не просто поэтическое утверждение, но Иисус молится не просто о том, чтобы это физическое страдание, которое будет огромным, было бы избавлено от него, но чтобы излияние божественного суда было избавлено от него. То, что мы увидим на кресте, это проблеск, уникальное устройство, если хотите, дня Господнего.

День Господень, который является днем суда, днем гнева, который будет сопровождать конец всего, когда сама ткань творения начнет сотрясаться. Это то, что происходит уникально на кресте, но на Иисусе. И вот здесь, вы знаете, когда изображение креста и крик Иисуса, многие захотят сказать, и я понимаю это, захотят сказать, что именно в тот момент, вы знаете, Бог Отец отвернулся от Иисуса, или что каким-то образом Бог Отец и Бог Сын каким-то образом были разделены в тот момент из-за греха, который был на Иисусе.

И я думаю, что то, что там происходит, на самом деле отсутствует. Я думаю, что Бог Отец полностью присутствует на кресте, но он полностью присутствует в своем гневе. Происходит то, что Бог Отец изливает свою чашу суда на Бога Сына.

Что это его гнев, и поэтому Иисус молится, что если есть какой-то способ, чтобы ему не пришлось получить гнев Божий, он хотел бы, чтобы это прошло мимо него. И поэтому, я думаю, что это своего рода, вы знаете, говорит о стрессе и печали, с которыми он собирается столкнуться. И все же, конечно, прекрасно зная, что вот-вот изольется на него, что день вторжения дня суда будет исключительно на нем.

Вот где, вы знаете, теологически, идея заключается в том, что все, кто верит во Христа, переживают день Господень, но переживают его опосредованно через Иисуса и не страдают от этого. В середине полного осознания того, что должно произойти, Иисус говорит, но не то, что Я хочу, но то, что Ты хочешь. И прекрасное проявление отношений между Богом Сыном и Богом Отцом, и как Бог Сын подчиняется и повинуется воле Бога Отца.

Он является идеальным мотивом страдающего слуги, который приходит. И он приходит, конечно, он находит его спящим. Он сказал Петру: Симон, ты спишь? Ты не мог бодрствовать один час? Вот Симон и другие ученики, которые были так уверены, что смогут быть стойкими с Иисусом, а теперь они даже не могли бодрствовать.

И дух бодр, плоть же немощна. Я понимаю это утверждение так, что он признает, что они действительно были искренни, когда говорили, что останутся с ним, но они просто физически не могли этого сделать. И снова он уходит и молится, говоря те же слова, и снова приходит и находит их спящими, ибо их глаза отяжелели.

И, конечно, повторение устанавливает, правильно, что Иисус снова ругает их за то, что они не могут бодрствовать, и на что, конечно, ученики не отвечают. Знаете, эта неспособность ответить указывает в стихе 40 на то, что они знают, что они неправы. Они подвели Иисуса. И затем в третий раз он говорит им: вы все еще спите и отдыхаете? И, наконец, он имеет в виду, что этого достаточно, что, я думаю, достаточно, что является его способом сказать, что, метафорически говоря, это сделано.

Это, мы сейчас, мы сейчас достигли момента, времени достаточно, молитва прошения закончена, и этого достаточно, ответ существенен, ибо час настал. Сын Человеческий предан в руки грешников. И, конечно, как читатели Марка, мы работали над этим моментом с 8-й главы, с тех пор, как Иисус сказал, что необходимо, чтобы Сын Человеческий был предан; теперь мы знаем, что этот момент настал.

И я нахожу увлекательным также то, что он использует в руках грешников, и я нахожу эту ссылку на грешников здесь интересной, может быть ссылкой на его суд над ними, верно, что это то, кем они являются. В этом есть некоторая ирония, конечно, потому что он тот, кого так часто обвиняют в том, что он с грешниками в Марке, и, конечно, трудно не пропустить искупление, что он действительно собирается стать тем, кто стоит там, где должны быть только грешники. И, возможно, использование языка грешников там охватывает все это.

Итак, вот момент, когда Иисус был предан в руки человеческие, и мы начинаем это со стиха 43. И тотчас, как он еще говорил, пришел Иуда, один из двенадцати, и с ним толпа с мечами и кольями от первосвященников, книжников и старейшин. Предатель же дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот Муж.

Схватите его и оставьте под стражей. И когда он пришел, он тотчас подошел к нему и сказал: Равви, и он поцеловал его. Они наложили на него руки и схватили его, но один из стоявших тут выхватил меч и ударил раба первосвященника и отсек ему ухо.

Иисус сказал им: вышли ли вы с мечами и кольями на разбойника, чтобы схватить Меня? Каждый день Я был с вами в храме, проповедуя, и вы не схватили Меня, но дали исполниться Писаниям. И все, оставив его, бежали. За

ним шел юноша, в котором не было ничего, кроме льняной одежды на теле, и они схватили его, но он оставил льняную одежду и убежал нагой.

Когда мы смотрим на этот раздел, конечно, а затем на 53, где Иисуса ведут к первосвященнику и устраивают суд, мы находим здесь этот момент, когда Иисуса отдают в руки людей, но мы также видим, насколько его авторитет все еще присутствует. Иисус, конечно, здесь говорится как парадигма послушания. Мы говорили об этом на протяжении всего нашего изучения Марка, где недостаток веры учеников становится фоном, на котором контрастирует с собственной верой Иисуса.

И здесь недостаток веры становится полностью на виду. И, конечно, сигнал поцелуя, верно, Иуда заранее подготовил, как это произойдет, как мы узнаем, кто такой Иисус. Во-первых, может быть, это способ помочь в темноте определить, кто эта фигура, на случай, если эта группа, которая идет с ним, не знает точно, как выглядит Иисус.

Но еще больше на древнем Ближнем Востоке поцелуй был знаком привязанности, гостеприимства. Церковь должна приветствовать друг друга поцелуем, что делает этот момент еще более печальным. Марк Штраус указывает, я думаю, довольно эффективно, как здесь обнаруживаются Притчи 27:6 и истина Притчей 27:6.

Раны от друга можно доверять, но враг умножает поцелуи. У нас есть ссылка на некую фигуру, стоящую здесь, которая держит меч и бьет слугу по уху. Это интересно, потому что Марк очень загадочен в этом моменте.

Мы не знаем, кто именно в Марке вытаскивает меч, это просто определенный человек. Мы даже не знаем имени слуги, которому отрезало ухо. Иоанн говорит нам, что меч у Петра.

Слуга — Малх. Матфей и Лука дают гораздо более полное описание этого события. Есть диалог, есть разговор.

Конечно, Иисус в Луке, Иисус поручает ему на самом деле принести мечи с собой. Но затем у нас также есть в Матфее и Луке, где Иисус упрекает за поступок и исцеляет рану, но мы не получаем ничего из этого у Марка. Фактически, это событие, которое только что упомянуто, оставлено почти сразу для слов Иисуса.

И я думаю, что смысл непосредственности в том, что Иисус не имел намерения отвечать таким образом, в этом военно-оборонительном ключе. Фактически, его внимание в Евангелии от Марка очень сильно обращено на эту группу. И

поэтому Марк очень быстро уходит от этой попытки помешать нападению, если хотите, аресту и упрекает тех, кто идет.

Он упрекает их. Его упрек двоякий. Во-первых, он упрекает их за то, что они пришли с оружием, как будто они грабители или мятежники, угроза народу и стабильности.

Но они делают это тайно. У них было много возможностей, когда он учил в храме, но они ими не воспользовались. Итак, ирония в том, что вы приходите так, как будто я представляю угрозу, но вы слишком боялись сделать это публично, потому что вы чувствовали угрозу из-за этого действия.

Итак, он рисует даже напряжение между лицемерием и всем действием тех, кто арестовывает. Но его авторитет становится присутствующим. Даже если есть те, кто находится рядом с ним, кто может вытащить меч, даже если сама арестовывающая сторона не последовательна в своих рассуждениях, Иисус не стоит ни на одном из них с точки зрения сопротивления, но говорит, что он знает, что то, что сказано в писаниях, должно произойти.

Итак, его авторитет становится видимым. И действительно, Захария 13:7 говорит: порази пастыря, и рассеются овцы. Итак, это писание предсказывает не только то, что Сын Человеческий будет предан и арестован, но и то, что когда пастырь будет взят, овцы рассеются, немедленно проходит через стих 50, где все оставили его.

За исключением эпизода с Петром, уход учеников — последнее, что мы услышим о них до конца всех этих событий. И Марк, они действительно ушли. Они действительно ушли.

У нас есть этот очень странный случай, и у меня нет других способов описать его, кроме как стихи 51-52 странные. Молодой человек следовал за ним, не имея ничего, кроме льняной ткани на теле. Они схватили его, но он оставил ткань и убежал нагой.

Было много предположений о том, что здесь может происходить, кто это может быть. Я думаю, что одно из двух лучших объяснений заключается в том, почему у этого молодого человека на теле только льняная ткань; я имею в виду, так что каким-то образом его выгоняют в спешке, чтобы последовать в Гефсиманию, и это все, что на нем было, но мы не знаем. Каким-то образом он остается немного дольше.

Он следует туда, куда бежали все ученики. Он следует совсем немного, но не слишком долго. Фактически, убегает голым, что было бы очень постыдным.

Два предположения в основном таковы и, возможно, не являются взаимоисключающими. Одно из них заключается в том, что это фигура, о которой сообщество, которому пишет Марк, знало, что они знают об этом человеке, и есть ссылка на кого-то, кого они знают. Другое, было принято, что, возможно, это Джон Марк, автор своего рода автобиографической вставки Марка, указывающей, что он был этим человеком там, и снова, эти два не являются взаимоисключающими.

Я думаю, что автобиографическое заявление имеет некоторый смысл, потому что этот инцидент больше нигде не упоминается, и поэтому я думаю, что смысл в том, что Иоанн Марк ссылается на себя смиренным образом. Я имею в виду, что он заявляет, что убежал голым, когда его заставили это сделать, так что это был бы не момент вставки себя в высоком почетном смысле, а в постыдном смысле. Однако со стиха 53 мы начинаем судебную последовательность.

В Евангелии от Марка будет две сцены суда: еврейская перед Синедрионом, а затем римская перед Пилатом. Целью еврейского слушания, по-видимому, является выстраивание доказательств, которые будут использованы против Иисуса, которые могут привести к смертной казни от римского правителя; Матфей следует за Марком, в то время как Лука и Иоанн имеют дополнительные фазы в судебных процессах. Когда мы смотрим сюда, мы видим, что Марк делит в основном пять сцен, возможно, даже немного ухмыляющийся сэндвич, где у вас есть отчет об аресте, и суд прерывается дважды, сначала заявлением о том, что Петр следует на расстоянии, а затем отречением Петра.

Хотя, я думаю, нужно ли нам быть осторожными, прежде чем мы слишком сильно надавим на идею сэндвича, и это может быть просто ротация сцен, или дать нам знать, что происходит одновременно. Конечно, на протяжении всего этого мы имеем очень резкий контраст. Иисус верно свидетельствует, что он Мессия.

Петр отрицает, что он вообще знает Иисуса. Иисус свидетельствует, что он Мессия, что означает страдание. Петр отрицает, что он знает Иисуса и что он должен избежать этого.

Петр рискует потерять свою жизнь, чтобы защитить, потерять свою душу, чтобы защитить свою жизнь. Теперь историчность этого количества судов часто оспаривалась на том основании, что оно нарушает то, что находится в Мишне. Согласно Мишне относительно дел Синедриона и смертных приговоров, во-первых, их нельзя было судить ночью, и обвинительный приговор должен был ждать до следующего дня, никакие судебные разбирательства не могли проводиться накануне субботы, которая должна была быть накануне субботы, никакие судебные разбирательства не должны были проводиться во время

праздников, для вынесения смертного приговора всегда требовалось повторное слушание, Мишна говорит, что противоречивые доказательства должны быть отклонены, свидетелям запрещено давать ложные показания, обвинение в богохульстве могло быть выдвинуто только в том случае, если обвиняемый произнес божественное имя, судебные разбирательства могли проводиться только в одном из трех судов в Иерусалиме, и резиденция первосвященника не была одним из них.

И вот, выдвигается, что суд над Иисусом нарушает все это. Теперь есть разные ответы на это. Один ответ, ну, они пытались сделать многое из этого очень спешно и тайно, и следование правилам не было для них чем-то высокоприоритетным.

Однако следует также помнить, что Мишна систематизирует эти судебные процессы ближе к концу второго века, поэтому мы не всегда можем быть уверены, что те практики, которые требовались или ожидались в конце второго века, действуют в настоящий момент, что те правила, которые появляются в Мишне, вероятно, появились из-за злоупотреблений, которые могли иметь место. Более того, здесь речь идет не столько о формальном суде, сколько о получении дела против Иисуса для представления Пилату. Мишна также представляет собой нечто большее, чем фарисейские практики.

У Марка синедрион в основном состоит из саддукеев, которые там находятся. То, что Иисус был распят по приказу Понтия Пилата, не вызывает сомнений, но это не значит, что нам нужно ставить под сомнение историчность иудейских судов над Иисусом просто потому, что распять могли только римляне, или это кажется нелогичным. И поэтому вопрос, как правило, сосредотачивается на том, какую роль играли иудейские правители? Какую роль они должны были играть во всем этом? И я думаю, что когда мы думаем об этом, у нас есть четкие заявления об отвержении иудейских лидеров, религиозных лидеров Иисуса, что теперь у них есть тот момент, которого они искали, чтобы найти вину в Иисусе, сделать это тайно.

Первосвященники, которые боялись толпы, теперь способны взять под контроль Иисуса, арестовать Иисуса и начать контролировать моменты. Необходимо объединиться вокруг своей оппозиции Иисусу, обвинить его в богохульстве, а также найти обвинения, которые направят его против Рима. Необходимо начать, с точки зрения теологического лидерства, если хотите, отстаивать причину смерти Иисуса, даже если у них нет власти совершить это.

Знаете, тот факт, что мы видим здесь этих людей, вознамерившихся убить Иисуса, не должен предполагать, что они обязательно будут следовать протоколам, чтобы это произошло. Марк не называет, кто здесь первосвященник, к которому они идут. Другие говорят, что это Каиафа.

Каиафа, как мы знаем, действительно занимал эту должность с 18 по 36 г. н. э. Он был зятем Анны, низложенного римлянами в 15 г. н. э. Иосиф Флавий сообщает нам, что пятеро сыновей Анны и его зять служили первосвященником.

Это исторически соответствует тому, что мы видим в других местах. Мы знаем, что было три группы, которые были взяты, чтобы составить Синедрион, так что весь Синедрион, что эта ссылка здесь, вероятно, является способом сказать кворум. Итак, когда мы просматриваем это, это свидетельство того, что происходит в этом еврейском заговоре, если хотите, что даже несмотря на то, что именно Пилат в конечном итоге объявляет смерть Иисусу, я думаю, Марк ясно указывает, что не только римляне искали этого.

Итак, давайте рассмотрим то, что мы видим здесь по мере продвижения. Они привели Иисуса к первосвященнику, и все первосвященники, старейшины и книжники собрались вместе. Опять же, я думаю, это означает кворум, первосвященники, старейшины и книжники этих групп.

Петр следовал за ним на расстоянии, прямо во двор первосвященника. У Петра там действительно есть намёк на смелость. И он сидел со стражей, предостерегая себя у огня.

Первосвященники же и весь синедрион искали свидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили. Почему? За то, что многие лжесвидетельствовали против Него, но свидетельства их не были согласны. И первосвященник встал посреди и спросил Иисуса: Тебе нечего ответить? Что свидетельствуют против Тебя эти люди? Стих 60.

Но он молчал и ничего не отвечал. И снова первосвященник спросил его: Ты ли Христос, Сын Благословенного? Так вот, именно в этот момент, кажется, знаете ли, кажется, что суд теперь идет по пути Иисуса, что есть те, кто лжесвидетельствует против него. В стихе 58, например, они пытаются обвинить его в разрушении, что он разрушит рукотворенный храм и через три дня построит другой, но они, знаете ли, они не согласны.

Они не согласны в своих показаниях. Довольно интересно, конечно, что это фактическое утверждение не то, что мы слышим от Иисуса, который был в храме совсем недавно, что он разрушит его; его храм был создан руками человека, и через три дня они построят другой, нерукотворный. У нас на самом деле есть это утверждение из Евангелия от Иоанна, где Иисус в храме совершает похожие действия, хотя есть и небольшое изменение по сравнению с тем, что мы имеем на Страстной неделе, и, конечно, у Иоанна это происходит очень рано в Евангелии, где Иисус делает это утверждение.

И я думаю, вы знаете, этот спор, о котором мы говорили, эта идея, это то, входил ли Иисус в храм дважды или он вошел в него один раз, и это было разделено на две части истории, я думаю, тот факт, что свидетели на самом деле не согласны с заявлениями, которые сделал Иисус, в отношении разрушения храма, подтверждает, что были два отдельных действия, что был период времени, который произошел, а не просто заявления, которые он сделал несколько дней назад в присутствии этих самых религиозных лидеров, которые были на виду. Так что, я думаю, может быть, что, на самом деле, вы знаете, Иисус, конечно, как мы знаем из Евангелия от Иоанна, входил в Иерусалим не один раз, и именно в тот первый раз, когда он также проявил отвращение к тому, что происходило в храме, он сделал эти заявления. Но суд идет не так, и Иисус не отвечает, и ему не нужно отвечать, и затем мы имеем первосвященника, который спрашивает его конкретно, ты Мессия, Сын Благословенного? И Сын Благословенного, конечно, это термин, который мы не очень хорошо усвоили, и поэтому он говорит об историчности термина. Сын Благословенного — это другой способ сказать Мессия, вы знаете, идентификация Мессии как Сына Божьего, вы знаете, была бы, вы знаете, частью этого.

Итак, это не вопрос о том, божественен ли Иисус и является ли он Сыном Благословенного. Это вопрос о том, считает ли Иисус себя Мессией. В обстановке, первосвященник встал посреди, конечно, я думаю, вспоминая человека с иссохшей рукой, которого попросили встать посреди всех.

Молчание Иисуса похоже на Исаию 53:7, овцы перед стригущими молчат. И вопрос, конечно, очень яркий. Мы думаем о том, что происходит в Марке.

Иисус активно ослаблял эту идентификацию. Теперь, в Марке, были определенные мессианские подтексты, которые Иисус принял. Например, есть надпись на осле в Иерусалиме.

Но здесь у нас есть конкретный вопрос, и этот вопрос, конечно же, для Иисуса возникал на протяжении всего его Евангелия. В первых восьми главах вопросы всегда были такими: кто этот, кто может делать такие вещи? Кто может говорить с такой властью? Кто может исцелять? Кто этот, кто может усмирять бури? И поэтому у вас были все эти вопросы, которые задавались о том, кто такой Иисус. Марк дал нам знать все эти вопросы.

Затем, конечно, в Марка 8, мы видим, как сам Иисус задает вопрос Петру, за кого люди говорят? А ученики, за кого люди говорят, что Я? За кого вы почитаете, что Я? Но теперь Иисусу задают этот вопрос конкретно: Ты ли Мессия? И Иисус отвечает в Марка 6:2: Я, и вы увидите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Я почти задаюсь вопросом в этом смысле, если бы весь судебный процесс здесь не висел на

волоске, и если бы Иисус просто молчал, возможно, суд прошел бы так, как он предполагал. И поэтому его решение не молчать дает религиозным лидерам в синедрионе то, чего они хотели, а именно возможность обвинить его.

И он дает им возможность обвинить их политически и теологически. Для его ответа, один из них, он заявляет очень прямолинейно, да, мессианская тайна, если хотите, окончена. Он заявляет, что он действительно Мессия.

Это дает им необходимые политические боеприпасы. Это позволяет им затем пойти к Пилату и сказать, что он пытается быть политическим правителем, пытается объединить людей против Рима и вызвать недоверие. Но затем, говоря также, что они увидят Сына Человеческого, на самом деле, это второй ответ, который становится еще более вызывающим.

Это второй аспект, где они увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных. Это идет из Даниила 7:13 по 14, где один, как Сын Человеческий, приходит на облаках небесных перед Ветхим Днями и получает славу, власть и вечное царство. Я верю, что Иисус здесь говорит: Я не только Мессия, но Я Сын Человеческий.

И фигура Сына Человеческого, которая приходит, вы знаете, и получает власть, что есть ссылка на то, что будет суд, что вы стоите на суде надо мной, но придет время, когда я, как Сын Человеческий, буду стоять на суде над вами. И, конечно, нет другого ответа для первосвященников в этот момент. Они могут либо, вы знаете, подтвердить, что то, что сказал Иисус, является правдой, или они должны объявить его теперь совершившим богохульство, что они и делают, разрывая одежды и заявляя, какие еще свидетели нам нужны.

Вы слышали его богохульство, стих 64, вы слышали его богохульство. Каково ваше решение? И все осудили его, как достойного смерти. И некоторые начали плевать на него и закрывать ему лицо и бить его, говоря ему: пророчествуй. И стражники встретили его с ударами.

И так, в стихе, вы знаете, до 65 здесь, мы видим, что еврейский суд подходит к концу, и он подходит к концу с заявлением, что Иисус утверждает, что он Мессия, утверждает, что он Сын Человеческий, и их отвержением его, и что он должен быть приговорен к смерти. Ирония в том, что именно его смерть делает его мессианское заявление обоснованным и что он Сын Человеческий. Мы видим это в 66-72, и мы более подробно рассмотрим это немного позже, но, может быть, чтобы закончить здесь, на Марка 14, мы теперь вернемся к Петру.

Итак, все это происходит. Сильная позиция Иисуса перед всеми этими религиозными лидерами, которые утверждают, что он Мессия, Сын Божий. В

66-72 годах у нас есть Петр внизу во дворе, и одна из служанок первосвященника приходит.

Я думаю, что идея в том, что она, вероятно, работает с девушками-служанками. Это могла быть и молодая женщина; язык как бы позволяет не обязательно иметь в виду маленькую девочку. И увидев, как Петр греется, она посмотрела на него и сказала: «Ты был с Иисусом Назарянином».

Он отрицал это, говоря: «Я не знаю и не понимаю, что ты имеешь в виду». Это своего рода другой способ сказать: «Я не знаю, о чем ты говоришь». И он вышел в ворота, которые, как я думаю, он выходит в ворота в основном потому, что он пытается отделиться от этой рабыни, которая его опознала, но также это позволяет ему быстрее выйти, если ему это понадобится.

И пропел петух. И служанка увидела его и начала говорить, прохожий, этот человек один из них. Так что теперь заметьте, она не обвиняет Петра напрямую.

Теперь она втягивает в это других людей. Возможно, это другие слуги, а может, это тоже люди, которые следят за порядком, или охранники, и так далее. Но он снова это отрицал.

Через некоторое время прохожий сказал Петру: конечно, ты один из них, потому что ты Галилеянин. И Марк не говорит нам, откуда они знают, что он Галилеянин. Конечно, другое Евангелие как бы объясняет его речь и, скорее всего, его акцент.

Но смысл в том, что эта группа пришла к выводу. Да, он должен быть. Он должен быть одним из них, потому что он галилеянин.

Мы знаем, что Иисус из Галилеи. И тогда ответ Петра, я думаю, просто показывает вам суть его отречения. Он начал вызывать на себя проклятие и клясться: я не знаю этого человека, о котором ты говоришь.

Вот что переводит ESV. Интересно, потому что в греческом просто говорится, что он начал клясться клятвой и призывать проклятие. Неясно, на самом деле, кто является целью проклятия.

На самом деле, используемый язык может подразумевать типичный рефлексивный язык. Обычно, когда вы призываете проклятие, вы призываете проклятие на кого-то или что-то. Так что было несколько вариантов.

Во-первых, Петр навлек на себя проклятие, а Марк представляет это в нетипичном для этого виде. Во-вторых, он навлекает проклятие на Иисуса,

объявляя Иисуса проклятым. И в-третьих, он налагает проклятие на людей, которые обвиняют его.

Идея о том, что Бог что-то сделает против тебя за то, что ты назвал меня лжецом, своего рода идея. Независимо от трех, и я думаю, что наименее вероятным из трех, это может быть то, что выбрал ESV здесь, а именно призывание проклятия на себя. Независимо от трех, я думаю, мы понимаем, что язык клятвы и проклятия — это два способа призывания Бога как часть подтверждения истинности того, что говорит Петр.

То, что Петр клянется Богу, было бы идеей, а также заявляет, что Бог проклянет кого-то, вы знаете, из-за этого обвинения. Так что подумайте о том, что здесь происходит. Вот Иисус стоит перед религиозными лидерами и заявляет, что он Мессия и что он Сын Человеческий, а они кричат богохульство на Иисуса. В то же время Петр, из страха перед тем, что говорят его служанка и окружающие, заявляет, что он не имеет никакого отношения к Иисусу, и что Бог может подтвердить подлинность того, что он говорит.

Я имею в виду, что контраст между двумя отречениями Петра не просто в том, что я не знаю, о чем вы говорите, а в том, что он ввел Бога в силу своего отречения. Это ставит Петра гораздо ближе к религиозным лидерам, объявляющим Иисуса богохульством, объявляющим Иисуса проклятым. Знаете, объявить богохульство означало бы объявить, что Иисус находится вне народа Божьего, был сейчас, нарушил закон Божий.

Петр гораздо ближе к этому утверждению в своей лжи. Он гораздо ближе к тому, чтобы сделать то же самое, чем к тому, чтобы встать с Иисусом, что, конечно, он так смело сказал, что сделает. Петр вспомнил, и тут же петух пропел во второй раз, и Петр вспомнил, как Иисус сказал ему: прежде, чем петух пропоет трижды, ты отречешься от меня трижды.

Он сломался и заплакал. Так вот Иисус предсказал это, и точное предсказание сбылось, чего Петр, вероятно, не осознает в тот момент, но есть надежда в тот момент, что то, что Иисус сказал о петухе и его отречении, сбылось. Есть надежда, потому что Иисус также сказал: Я увижу вас снова в Галилее.

Итак, если Иисус здесь, есть надежда, что он будет там. И Петр не выдержал и заплакал. И я думаю, что если мы посмотрим на различия между Петром и Иудой, то их будет несколько в Евангелиях.

Петр никогда не говорил, что Сатана вдохновляет его. Горе никогда не дается Петру. Петр, Иисус говорит, что молился за него.

Я молился за тебя, Петр. Мы не получаем никаких сообщений о том, что Иисус сказал об Иуде: «Я молился за тебя, Иуда». И здесь Петр действительно плачет и сразу осознает, что он сделал, возможно, даже намек на свою скорбь.

Это подводит нас к концу главы 14 Евангелия от Марка. В следующий раз мы продолжим с главы 15 Евангелия от Марка, суда и распятия Иисуса.

Это доктор Марк Дженнингс в своем учении по Евангелию от Марка. Это сессия 22, Марк 14:26-72, Тайная вечеря, арест, суд и отречение Петра.